

УДК 353(47):5(091)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.21>

Российская империя как фактор регионального порядка в Восточной Азии в конце XIX – начале XX в.¹

Л. В. Курас

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Дается современное понимание категории «империя», раскрывается суть интеграции периферийных регионов в состав Российского государства как формы реализации доктрины окраинной политики государства. Подчеркивается, что экстраполяция этого сценария в политике империи в Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв. стала реальным примером использования Россией маньчжурского территориального фактора в своей дальневосточной политике. Делается вывод, что феномен империи стал фактором регионального порядка и гарантом стабильности в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, окраинная политика, Восточная Азия, Китай.

Для цитирования: Курас Л. В. Российская империя как фактор регионального порядка в Восточной Азии в конце XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 21–27. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.21>

Вслед за отходом татарских тревог
– Это Русь пошла на восток.
Велимир Хлебников

Поводом для написания настоящей статьи стало по крайней мере три обстоятельства. Во-первых, интервью еженедельнику «Аргументы и факты» доктора исторических наук, начальника Информационно-аналитического управления внешней разведки КГБ СССР, генерал-лейтенанта в отставке Н. С. Леонова о современном состоянии Дальнего Востока России. Он с болью говорит о том, что экономика региона «давно ориентируется на Японию, Китай, Южную Корею», где «ось грузопотоков давно смещена в Азию, а центральная часть России зияет пустотой» [10]. Во-вторых, приближается историческая дата – 300-летие образования Российской империи, в связи с чем вновь возникла дискуссия об уровне развития России в начале XX в. Тем более что для советских ученых 1913 г. – год юбилея дома Романовых – был базовым для сравнения успехов имперской России начала века с развитием советской экономики и оценки достижений реального социализма [6], тогда как современная российская экономика полагает ненужным сравнивать развитие отраслей с достижениями вековой давности. В-третьих, современное

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

поколение испытывает острые переживания по поводу распада СССР (Советской империи), а также мучительные вопросы о будущем России и ее месте в мировой истории. Поэтому обращение к истории нужно не любопытства ради, а для понимания прошлого и осмысления настоящего. В этой связи проблема империи занимает особое место в современной российской историографии [13], и потому представляется небезынтересным обращение к истории Российской империи образца рубежа XIX–XX вв. и ее окраинной политике как фактору стабильности [5]. В этом плане особый интерес представляет анализ взаимоотношений Российской империи с империей Цин [12], а фактически политики Российской империи в Восточной Азии.

Начать наше исследование следует с понятия «империя» как характеристики всей полноты власти. В современной историографии делается попытка раскрыть понятие «империя» как «надэтническое, наднациональное государственное образование, организованное на принципах некоторых высших начал, более значимых, чем просто общность происхождения». Она «объединена высшей идеей так или иначе понятного Абсолюта, а потому имперская идея чужда расизму, национализму, разделению “коренного” и “инородческого” населения» [13, с. 3]. То есть империя – это фактор стабильности всей империи и каждого ее региона вне зависимости от его географии. Именно поэтому для формирования регионального порядка, т. е. «географии власти» [18], Российская империя в течение XIX в. уделяла основное внимание интеграции периферийных регионов в состав Российской империи. При этом «для выработки доктрины окраинной политики, – подчеркивают Л. М. Дамешек и И. Л. Дамешек, – правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ» [5, с. 24]. Однако царское правительство прекрасно осознавало, что для формирования этих регионов чрезвычайно важным было определение не только внутренних, но и внешних границ. Не случайно последователи Н. Н. Муравьева-Амурского, окрыленные успехами великого реформатора, всерьез обдумывали идею смещения стратегических центров. Именно поэтому, подчеркивает профессор А. В. Ремнев, «поиск управленческого центра на Дальнем Востоке не завершился и на рубеже XIX–XX веков. Хабаровск и Владивосток намеревались оставить уже ради Порт-Артура или Харбина» [14, с. 173].

Именно в этой связи и в связи с поставленной проблемой мы акцентируем внимание на маньчжурском территориальном факторе, ставшем в конце XIX в. узлом международных противоречий, который получил в современной историографии оценку по следующим параметрам: 1) политико-административное; 2) военно-стратегическое; 2) социально-экономическое значение [12, с. 109]. Кроме того, регион имел особое значение как прародина династии Цин и выполнял важную «трансфертную» функцию в ходе взаимодействия с Российской империей.

Мы уже писали о том, что имперская Россия рассматривала Китай как одно из важнейших направлений своих внешнеполитических действий [7].

Идея «распространения влияния на Китай» в противовес усилению там позиций Британской империи была развернута переводчиком российского посольства в Пекине, титулярным советником А. Ф. Поповым в «Записке о Китайских делах» еще в 1862 г. [9]. В дальнейшем при формировании своей восточной политики Российская империя все время держала в уме Китай, видя в нем и торгового партнера, и возможного противника в будущих военных действиях [16]. Даже при планировании проведения Транссиба Комитет Сибирской железной дороги считал «вполне своевременным всестороннее ознакомление с условиями нашей торговли на крайнем Востоке», выражая уверенность, что магистраль сделает Китай более доступным «как для сбыта отечественных продуктов, так и для вывоза к нам... предметов его производства». По мнению Комитета, выразившего имперские позиции России, открытие русским купцам китайских городов и гаваней для свободной торговли было бы выгодно в первую очередь Китаю, поскольку это будет содействовать развитию и укреплению взаимных торговых связей «между двумя величайшими странами мира, границы коих соприкасаются на протяжении многих тысяч верст» [7, с. 17].

Кроме того, к концу XIX в. имевшиеся трансграничные эмиграционные потоки и колониальная конкуренция Британской, Германской, Российской и Японской империй за Маньчжурию, а также активное перемещение иностранных капиталов, изменения культурного ландшафта заставляли российскую императорскую власть по-новому взглянуть на возможности расширения собственных территорий и задачу защиты своих границ от нежелательных сил.

В современной историографии в истории взаимодействия императорской России и императорского Китая выделяется две концепции – трансграничье [11] и приграничье [18].

Трансграничье – это регион, в котором на протяжении нескольких веков формировалась граница между двумя и более государствами, велась активная межкультурная коммуникация между различными народами, происходил процесс культурной гибридизации. Процесс культурной гибридизации – это процесс смешивания, сочетания различных культур, зачастую диаметрально противоположных, в результате которого происходит образование культурной гибридности как следствия взаимовлияния различных культур, что возникает в результате перемещения этноса на новую для них территорию, т. е. в пространство чужой цивилизации [1].

Приграничные же территории – это территории, прилегающие к государственной границе, выполняющие особые приграничные функции и обладающие в связи с этим специфическими особенностями. Современная историография к этим особенностям относит: а) отчужденные приграничные территории; б) сосуществующие приграничные территории; в) взаимозависимые приграничные территории; г) интегрированные приграничные территории [2].

На рубеже XIX–XX вв. для дальневосточной политики России было характерно активное продвижение империи в Китай: строительство Транссибирской железной дороги и КВЖД, аренда незамерзающих портов, создание банковской системы, наличие политического проекта «Желтороссия» «по созданию буферной колонии в русско-китайском трансграничье» [19]. Но в

условиях Российской империи Маньчжурия стала и пограничным, и трансграничным пространством между Китаем и Россией, располагаясь рядом с Забайкальем, Приамурьем и Приморьем.

Продвижению России на восток предшествовала японо-китайской война 1894–1895 гг. Итогом войны стало поражение Китая и Симоносекский договор от 17 апреля 1895 г., по которому Японии отходили остров Тайвань (Формоза), архипелаг Пэнху (Пескадорские острова), а также южная часть Ляодунского полуострова, включая порты Далянь и Люйшунь (Порт-Артур) [4]. И лишь «тройственная интервенция» России, Франции и Германии не позволили Японии осуществить задуманное. В этом процессе Российская империя сыграла не последнюю роль, когда перед лицом японской угрозы в мае 1896 г. был подписан русско-китайский союзный договор, предусматривавший совместный отпор на случай агрессивных действий Японии. Тем самым на непродолжительное время именно Российская империя стала гарантом территориальной целостности цинского Китая. Но через три года после заключения Симоносекского договора Россия получила Порт-Артур в концессию на 25 лет и начала строительство железной дороги, поставив тем самым под контроль всю Восточную Маньчжурию вплоть до Харбина, т. е. территорию, которую Япония считала сферой своего влияния. Одновременно с этим Германская империя арендовала Циндао, а Британская империя – Вэйхайвэй. Это привело к охлаждению в отношениях между цинским Китаем и романовской Россией, усилению территориальных претензий Японии, европейских государств и США, что сыграло ключевую роль в последующей Русско-японской войне 1904–1905 гг. Этой войне предшествовало «боксерское» восстание 1898–1901 гг. в Китае, ставшее одним из ключевых событий в истории русско-китайских отношений конца XIX – начала XX в., повлияв как на взаимоотношения между двумя государствами, так и на дальнейшее развитие международных отношений в Дальневосточном регионе [8]. Тем не менее к началу XX столетия идея освоения дальневосточных окраин была весьма широко распространена в российском обществе. Об этом неоднократно говорилось и на заседаниях Государственной думы [19, с. 892], в результате чего 27 октября 1909 г. при Совете министров был учрежден Комитет по заселению Дальнего Востока, созданный «для общего руководства деятельностью по дальнейшей колонизации Приамурского края» [15]. Причем, по мнению генерала А. Н. Куропаткина, заселение должно было происходить таким образом, чтобы Северная Маньчжурия оказалась в сфере нашего влияния, а пустыня Гоби отделила бы Россию от Китая [3]. Все это способствовало становлению нового регионального порядка в Восточной Азии, нового принципа развития общества, иной модели колониального развития, новых черт национального характера и параметров российской культуры, у истоков которой стояла идея Российской империи как формы реального проявления российской цивилизации, лишенной «имперских амбиций». По справедливому мнению российского философа К. С. Пигрова, «Российская империя, в широком смысле слова, не только реальность, она есть также императив, непреложная обязанность российской культуры и цивилизации перед человечеством» [13, с. 8]. Конечно, имперская политика – это и «чужие» территории, и «чужие»

природные богатства на этих территориях, и «чужие» людские ресурсы, и военная мощь как инструмент в имперских отношениях. Этот сегмент всегда был и всегда будет в имперских отношениях. Но главный вывод А. Тойнби состоит в том, что захваты и насилие – это успех эфемерный [17]. Главное достижение Российской империи вообще и на востоке особенно выражается в «русском влиянии», в ее необходимости иному миру, в создании глубинной привлекательности русской культуры, глубокой связи с Россией, что является неотъемлемой частью Российской империи.

Вся трагедия утери этих связей стала понятна только сейчас, после распада СССР...

Список литературы

1. *Антропов О. К., Мецзяков А. Ю.* Сунгарийский город вне границы: культурная гибридность в условиях трансграничного пространства Харбина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 35–41.
2. *Арсентьева И. И.* Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе // Вестник ЧитГУ. 2012. № 6(85). С. 24–29.
3. Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения : коллективная монография / под ред. В. П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2018. 370 с.
4. *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). Т. 6. М. : Ин-т востоковедения, 1927. С. 94–97.
5. *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.* Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи в XVIII–начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 21. С. 23–29.
6. *Клисторин В. И.* Россия в 1913 году // ЭКО. 2013. № 12. С. 5–21.
7. *Курас Л. В., Кальмина Л. В., Михалев А. В.* Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. : [монография] / рук. проекта, отв. ред. Б. В. Базаров ; науч. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск : Отгиск, 2018. 112 с.
8. *Курас Л. В., Кальмина Л. В.* Российская дальневосточная политика на рубеже XIX–XX вв. в военных мемуарах, дневниках и письмах // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 3(35). С. 133–143.
9. *Латин П. А., Китаист А. Ф.* Попов и его записки в МИД России // Восточный архив. 2017. № 1(35). С. 14–20.
10. *Леонов Н. С.* Великая русская цивилизация окончена // Аргументы и факты. 2021. 2 февр.
11. *Мецзяков А. Ю., Антропов О. К.* Особенности российской колонизации Маньчжурского края в конце XIX – начале XX в. // Грамота. 2019. Т. 12, вып. 4. С. 35–40.
12. *Пасмурцев В. А.* Маньчжурские территории как фактор политики империи Цин (середина XVII – начало XX в.) // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 108–117.
13. *Пигров К. С.* Империя как инновация или императив империй // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2007. Вып. 2, ч. 1. С. 3–11.
14. *Ремнев А. В.* Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX – начало XX в. // Российская империя в сравнительной перспективе : сб. ст. М. : Новое изд-во, 2004. С. 168–187.
15. *Рябцев В. Н.* Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы (очерки) / предисл. А. А. Вартумяна. М. : АИРО-XXI, 2018. С. 186–235.
16. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. СПб. : Изд. Военно-ученого комитета Главного штаба, 1891. 282 с.
17. *Тойнби А. Дж.* Достижение истории : пер. с англ. яз. / сост. А. П. Огурцов. М. : Прогресс, 1991. 736 с.

18. Туровский Р. Ф. Политический ландшафт как категория политического анализа // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 1995. № 3. С. 33–44.

19. Ходяков М. В. Желтороссия конца XIX – начала XX веков в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 880–897.

The Russian Empire as a Factor of Regional Order in East Asia at the End of 19th – Beginning 20th Century

L. V. Kuras

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article represents the modern understanding of “empire” as a category, examines the essence of integration of remote areas with the Russian state as a realization of the marginal policy’s doctrine. It has been stated that the extrapolation of the scenario in Imperial policy in Eastern Asia at the turn of 19–20 cc. has become a real example of usage Manchuria’s territory factor by Russia in the Far Eastern policy. Therefore, the author succeeded in concluding that the phenomenon of empire has become the factor of regional order and guarantee of stability in the region.

Keywords: Russian Empire, marginal policy, East Asia, China.

For citation: Kuras L. V. The Russian Empire as a Factor of Regional Order in East Asia at the End of 19th – Beginning 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 21–27. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.21> (in Russian)

References

1. Antropov O.K., Meshcheryakov A.Yu. Sungarijskij gorod vne granicy: kulturnaya gibridnost' v usloviyah transgranichnogo prostranstva Harbina [Sungari city out of the boundaries: cultural hybridism in the terms of across boundary area of Harbin]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura* [Caspian region: policy, economics, culture], 2018, no. 4 (57), pp. 35–41. (in Russian)
2. Arsenteva I.I. Ponyatie “prigranich'e” v sovremennom nauchnom diskurse [The concept “border-zone” in modern scientific discourse]. *Vestnik ChitGU*, 2012, no. 6 (85), pp. 24–29. (in Russian)
3. *General Kuropatkin – gosudarstvennyj i voennyj deyatel' Rossijskoj imperii. K 170-letiju so dnya rozhdeniya: kollektivnaya monografiya* [General Kuropatkin – state and military authority in the Russian Empire: to the 170th anniversary of the birth. Ed. V. P. Salnikova]. Saint Petersburg, Universitet Publ., 2018, 370 p. (in Russian)
4. Grimm E.D. *Sbornik dogovorov i drugih dokumentov po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij na Dalnem Vostoke (1842-1925)* [Compilation of contracts and other documents on the history of international relations in the Far East (1842-1925). Vol. 6]. Moscow, Inst. of Eastern Studies Publ., 1927, pp. 94–97. (in Russian)
5. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Okrainnaya politika kak faktor ustojchivosti Rossijskoj imperii v 18 – nachale 20 v.* [Marginal policy as a factor of stability of the Russian Empire in 18th –beg. of 20 cc.]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State university], 2017, vol. 21, pp. 23–29. (in Russian)
6. Klistorin V.I. Rossiya v 1913 godu [Russia in 1913]. *EKO [ECO]*, 2013, no. 12, pp. 5–21. (in Russian)
7. Kuras L.V., Kalmina L.V., Mihalev A.V. et al. *Kapitany rossijskoj vostochnoj politiki: rubezh 19–20 vv.* [Captains of Russian Eastern policies: turn of 19th – 20th centuries. Monograph]. Head of project and ed. B.V., Scientific Ed. L.M. Dameshek. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018, 112 p. (in Russian)

8. Kuras L.V., Kalmina L.V. Rossijskaya dal'nevostochnaya politika na rubezhe 19-20 vv. v voennyh memuarah, dnevnikah i pismah [Reflection of the Russian Far Eastern policies at the turn of 19-20 centuries in military memoirs, diaries, and letters]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [The Bulletin of Buryat Scientific center SB RAS], 2019, no. 3(35), pp. 133-143. (in Russian)

9. Lapin P.A. *Kitaist A.F. Popov i ego zapiski v MID Rossii* [Sinologist A.F. Popov and his notes in the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. *Vostochnyj arhiv* [East archives], 2017, no. 1(35), pp. 14-20. (in Russian)

10. Leonov N.S. Velikaya russkaya civilizaciya okonчена [Great Russian civilization is over]. *Argumenty i fakty*, 2021, 2 February. (in Russian)

11. Meshcheryakov A.Yu., Antropov O.K. Osobennosti rossijskoj kolonizacii Man'chzhurskogo kraja v konce 19 – nachale 20 v. [The features of Russian colonization of Manchuria region at the end of 19 – beg. of 20 centuries]. *Gramota*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 35-40. (in Russian)

12. Pasmurcev V.A. Manchzhurskie territorii kak faktor politiki imperii Cin (seredina 17 – nachalo 20 v.) [Manchuria territories as a factor of Qing Imperial policies (mid. of 17 – beg. of 20 centuries)]. *Rossiya i ATR* [Russia and APR], 2011, no. 4, pp. 108-117. (in Russian)

13. Pigrov K.S. Imperiya kak innovaciya ili imperativ imperij [Empire as an innovation or imperative by the Empires]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [The Bulletin of Saint-Petersburg university], Series 6, 2007, no. 2, pp. 3-11. (in Russian)

14. Remnev A.V. Rossiya i Sibir v menyayushchemsya prostranstve imperii, 19 – nachalo 20 v. [Russia and Siberia in changing space of the Empires]. *Rossijskaya imperiya v sravnitel'noj perspective* [Russian Empire in comparative perspective], Moscow, 2004, pp. 168-187. (in Russian)

15. Ryabcev V.N. *Iz istorii geopoliticheskoy mysli v Rossii. XX vek: maloizvestnye stranicy (oчерki)* [From history of geopolitical thoughts in Russia. 20 c.: little-known pages (outlines)]. Preface by A. A. Vartumyana. Moscow, AIRO-21 Publ., 2018, pp. 186-235. (in Russian)

16. *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp. 48* [The collection of geographic, topographic and statistics data about Asia. Iss. 48]. Saint-Petersburg, 1891, 282 p. (in Russian)

17. Toynbee A.J. *Dostizhenie istorii* [Achievement of history]. Ed. A.P. Ogurcov. Moscow, Progress Publ., 1991, 736 p. (in Russian)

18. Turovskij R.F. Politicheskij landshaft kak kategoriya politicheskogo analiza [Political view as a category of political analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki* [The Bulletin of Moscow university. Series 12, Political sciences], 1995, no. 3, pp. 33-44. (in Russian)

19. Hodyakov M.V. *Zheltorossiya konca 19 – nachala 20 vekov v geopoliticheskikh planah russkoj voennoj elity* [The “Yellow Russia” at the end of 19 – beginning of 20 centuries in geopolitical plans of Russian military elite]. *Novejshaya istoriya Rossii* [Newest History of Russia], 2018, vol. 8, no. 4, pp. 880-897. (in Russian)

Курас Леонид Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6.
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Kuras Leonid Vladimirovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Major Research Associate
Institute for Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047,
Russian Federation
e-mail: kuraslv@yandex.ru